

ДУШИНЬКИНЫ ПОХОЖДЕНІЯ,

СКАСКА

въ стихахъ.

No.

ВЪ МОСКВѢ
При Университетской Типографіи
1778 года.

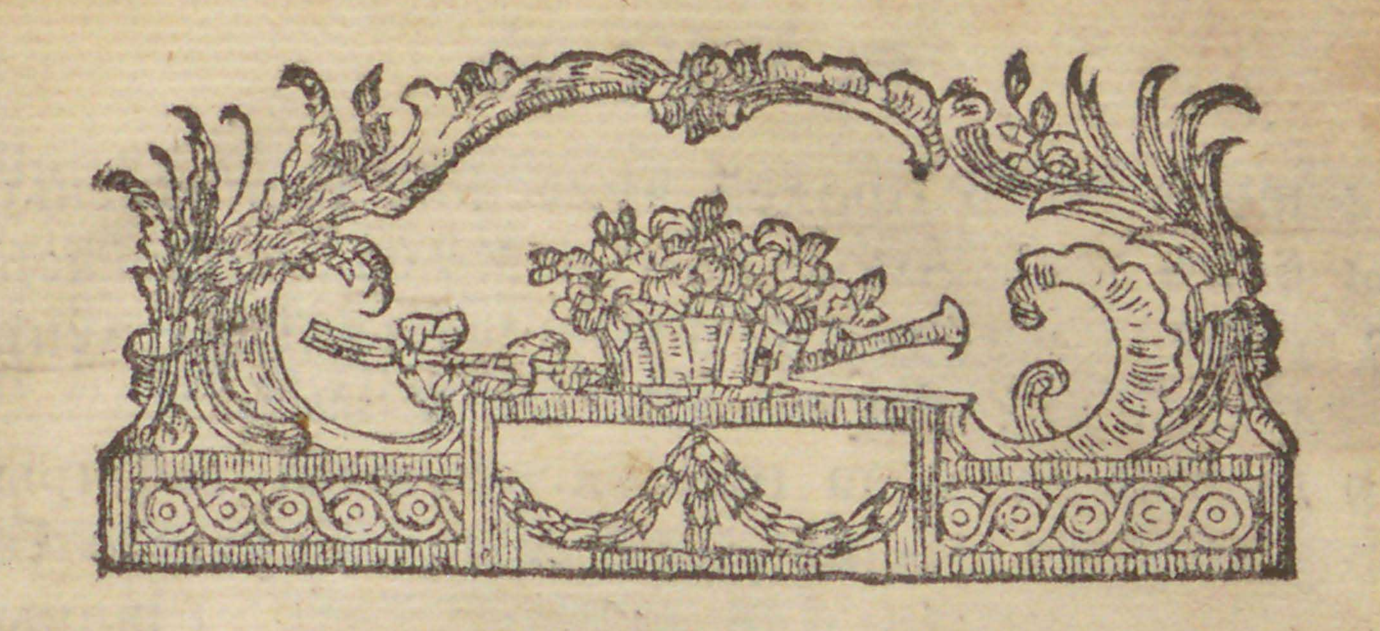
КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Присланное мнѣ сочиненіе подъ и-мянемъ душинькины похожденія, сообщаю почтенной публикѣ: ея то заключенія послужатъ мнѣ правиломъ, что долженъ думать я о своемъ вкусѣ.

Ми: Ка:

уд. Мих. Федот. Каменским

ДУШИНЬКИНЫ ПОХОЖДЕНІЯ.

Книга I.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ Боги спорили и гдѣ дрались Герои,
Но душиньку пою.
Тебя, о душинька, я въ помощь призываю,
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ свободной я слагаю.
Не лиры громкій звукъ услышишь ты, свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди изъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
И естьли можно то не отходи отсель,
Дай чувствовать мнѣ жизнь селеній благодатныхъ,
Въ которыхъ ты всегда проводишь сладки дни,
И гдѣ живутъ съ тобой веселости одни.

Ты токи мнѣ пролей чудесной Иппокрены,
Ты будь мой Аполлонъ и Музы и Парнасъ;
На мѣсто соснъ посѣй ты мирты здѣсь зелены,
И сдѣлай вѣчную свою весну у насъ.
Съ тобою завсегда присудствуютъ зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Са-
(тиры,
Хулы и критики, и грусти и бѣды,
Забавы безъ тебя, несутъ одни труды,
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.
О ты пѣвецъ Боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
И рифмъ богатыхъ
И рифмъ женатыхъ!
Прости вину мою,
Коль я не въ правилахъ пою
И Лиру вмѣстѣ съ дудкой строю;
Доволенъ мыслію простою,
По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ крою,
И малой мѣры и большія,
И часто рифмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Отважно ставлю на концахъ.
А естьли отъ того устану,
Отважно и покойно стану,
Забывъ чернилъ на свѣтѣ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ рифмъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я свою
Не для похвалъ отъ всѣхъ пою;
Но чтобъ, въ часы забавъ, веселій и покоя,
Пріятно разсмѣялась Клоя,

Читая то въ распѣвъ иль просто говоркомъ:
Гомеръ и Греція ей волю уступаютъ,
И щастіемъ себѣ отмѣнным почитаютъ
И пѣть и говорить ея прелестнымъ ртомъ.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли душиньку и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили;
Перомъ ихъ кажется какъ Граціи водили,
Иль сами Граціи писали то одни.
Но естьли подражать ихъ слогу не возможно,
Беру въ свидѣтельство писателей я сихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ
Писалъ за ними въ слѣдъ Исторію не ложно;
Ктожъ въ истиннѣ ея сумнѣніе найдетъ,
Тому отъ душиньки во вѣкъ прощенья нѣтъ.

Во древней Греціи, въ то время,
Когда размножилось по всюду царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ царь,
И естьли пожелалъ, былъ Богъ, имѣлъ олтарь,
Межъ многими царями,
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ
И хлѣба и скотовъ.
За гнѣвъ Юпитеровъ бывали тамъ сосѣди
Такъ злы, и болѣе, какъ волки иль медвѣди.

Извѣстенъ Ликаонъ
Котораго писалъ Исторію Назонъ,
Что будто, за кривые толки,
На самомъ дѣлѣ онъ
Изъ Греческихъ царей разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,
Ни образомъ своимъ ни нравомъ не былъ звѣрь;
Былъ обществу полезенъ,
И былъ Богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И естьли находилъ онъ въ людехъ звѣрски души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ коровій хвостъ, инымъ бараній рогъ
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ двѣ пары ногъ.

Отъ ѣдкой древности, котора все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена;
Но нѣкихъ правъ его остатокъ почитаетъ
И самый позный свѣтъ по наши времена.
Завистливымъ велѣлъ онъ день и ночь терзаться,
Чтобъ щастіе другихъ
Всегда крушило ихъ,
И не могли они покоемъ наслаждаться.
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть,
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться.
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться.

И

И всѣмъ потомкамъ ихъ на казнь далъ туже спѣсь,
Какая видима осталась и поднесь.
Ханжамъ и пустосвятамъ,
Которыхъ міръ простой дотолѣ много чтилъ,
Всѣ въ жизни лестныя утѣхи запретилъ,
И предалъ въ казнь такихъ ихъ собственнымъ развратамъ.
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И паче кто донесъ что ложно Государю,
Такимъ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла:
Такая видима была,
Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маскарадѣ,
Когда на масленой въ торжественномъ парадѣ
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.
И словомъ
Въ своемъ уставѣ новомъ
Велѣлъ, чтобъ всякіе злонравны чудаки
Съ приличной надписью носили колпаки,
По коимъ въ обществѣ вездѣ ихъ примѣчали,
И прочь отъ нихъ бѣжали.

По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не строгъ,
И нравился народу,
Который похвалять не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду
Какъ будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякой годъ.

Овидій

Овидій басенной Исторіи писатель,
Который никогда не правды не сказалъ,
Овидій общій нашъ и Греческій пріятель
Подробно описалъ,
Какъ казни до сего у Грековъ были часты.
Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
Цекроповъ цѣлый родъ за злобу и обманъ
Во стадо обезьянъ,
И тѣ въ лягушки,
У коихъ низки были душки;
Болтливые въ сорокъ;
Жестокосердые во мраморной кусокъ;
Танталъ, Сизифъ и Иксіона,
Ко устрашенію злыхъ,
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихъ,
Почли бы все себѣ за милость и за ласки,
Когда бы только царь
Дурную въ свѣтѣ тварь
Рядилъ въ дурные маски.
Такая нова власть
Безъ всякой строгой казни,
Держала всѣхъ въ боязни:
Не стали воры красть
И ябеды молчали,
Жилъ кажды безъ печали,
И ѣлъ и пилъ во сласть.
Все подданные и сосѣди,
Такой уставъ боготворя.
Повсюду ставили ликъ мудраго царя,
Изъ золота, сребра, иль мѣди,
Пріятели друзья,
Вельможи и Князья,

Къ нему съѣжжались въ гости;
Онъ первый изобрѣлъ,
Къ забавѣ между дѣлъ,
Юлу, гусокъ и кости,
Картюжная игра,
У царскаго двора
И въ Греческомъ народѣ,
Была тогда не въ модѣ,
Вельможи, такъ какъ чернь,
Съ умомъ играли въ зернь,
Играли также въ шашки
Безъ денегъ на бумашки,
И множество потѣхъ,
Для каждаго и всѣхъ,
Тамъ всякой день являлись,
Вездѣ бывалъ тамъ смѣхъ,
И люди забавлялись,
Хозяинъ звалъ, при томъ,
Изъ самой доброй воли,
Откушать хлѣба соли,
Къ себѣ по часту въ домъ,
О естьлибъ ты Гомеръ проснулся,
Любя твоихъ Героевъ честь,
Которы такъ какъ драку весть,
Со вкусомъ знали пить и ѣсть,
Тыбъ слыша стихъ мой ужаснулся,
Что слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ, дерзнулъ я наконецъ
Подобиться, стиховъ Отецъ;
Ты могъ бы описать достойно
Великолѣпіе пировъ,
У царскихъ Греческихъ дворовъ,
О коихъ ты вѣщалъ толь стройно.

Я только лишь могу сказать
Что царь любилъ себя казать,
Иныхъ хвалить, иныхъ тязать,
Поѣсть, попить и послѣ спать,
А за такое хлѣбосольство
И доброй нравъ,
Отъ всѣхъ державъ
Явилось у него посольство.
Но болѣе всего
Три дочери его
Всѣхъ взоры привлекали;
И вскорѣ красотой,
Умомъ и остротой,
Повсюду славны стали.
Кто видѣлъ старшихъ двухъ
Тотъ видѣлъ ново диво,
Которое не лживо
Превосходило слухъ;
И слухъ не могъ сказать то живо;
Но солнце въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ:
Такъ младшая изъ дочерей
Красавицъ сестръ своихъ еще превосходила,
И самой розы цвѣтъ и бѣлизну лилей;
И словомъ ничего въ подобномъ видѣ ей
Натура никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ изображенію что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы и былобъ дерзновенно,

Пре-

Прекрасная царева дочь,
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь;
У Грековъ по тому *Психея* называлась;
Но въ переводѣ у другихъ
То значила душа, простымъ языкомъ ихъ;
У Рускихъ *душинька* она именовалась:
Какъ видно что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ названію ея приличнѣйшее слово,
Какое было ново.
Во славу *душинькѣ*, у насъ отъ тѣхъ временъ,
Поставлено оно вообщемъ Лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Но многимъ похвала
Опаснѣй чѣмъ хула;
Завистный міръ не любитъ,
Когда повсюду трубитъ
И рѣжетъ правду въ слухъ
Болтливая Богиня Слава.
Прямая честь, прямыя права
Завистныхъ безпокоятъ духъ.
Такая, *душинька*, была твоя прослуга,
Когда весь міръ и вся Цитерская округа,
Оставя древнее прекрасно Божество,
Умножили твое во свѣтѣ торжество;
Когда тебя одну всѣ обще обожали,
Всѣ славили тебя и всѣ къ тебѣ бѣжали,
Соперницы своей не знала ты печали;
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Оставленна отъ всѣхъ Венера.
Веселій, смѣховъ, игръ соборъ
Толпами идутъ изъ Цитера,

Иль

Иль паче всѣ стремятся въ бѣгъ,
И вскоре оставляютъ брегъ,
Нѣтъ болѣ жертвъ и ѳиміамовъ,
Жрецы мѣняли ремесло;
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ заросло.
Сады Богини сиротѣли,
Являлся въ нихъ унылый видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли,
Казалось, ей свистѣли въ стыдъ.
Не постоянные Амуры,
Изъ храма прелѣтая въ храмъ,
Къ сему превpату всей натуры
Не возмогли привыкнуть тамъ.
Всѣ къ *душинькѣ* летѣть хотѣли,
Всѣ вдругъ вспорхнули, возлетѣли,
И прочь направили свой путь
Ища себѣ свободной нѣги,
Куда зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Кряхтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей царицы,
Чрезъ силу ликъ ея несло.
Зѣвая въ скукѣ тамъ Богиня
Всегда являлась ротъ разиня;
И видя дворъ и островъ пустъ,
Отъ проѣзжающихъ изъ устъ
По слухамъ самымъ вѣрнымъ,
Узнала на конецъ
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ
Кто былъ тому творецъ;
Иль словомъ то сказать манернымъ,

Узнала

Узнала кто была творица,
Что брошена отъ всѣхъ Цитерская царица.
Но *душинька* была предъ нею невинна,
Безъ всѣхъ стараній всѣмъ понравилась она;
Ни какъ не мыслила обидѣть тѣмъ Венеру,
Ко красотѣ Богинь имѣла должну вѣру
И въ поступи своей всегда хранила мѣру.
Въ невинности забавъ,
Съ такою красотою,
Пріятной, тихой нравъ
Былъ новою виною,
Котору ей простить Венера не могла.
При томъ о ней всегдашни слухи,
Какіе носятъ злые духи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали иль просили
Во угожденіе Богинѣ доносили,
Что будто *душинька* со многими вела
Злодѣйски умыслы и тайныя кромолы,
Дабы разрушить всѣ престолы
Какіе до сего Венерѣ ставилъ міръ;
Что будто противъ вышней чести
Она въ народѣ сѣетъ вѣсти,
И въ драномъ бострокѣ ходя не платитъ дыръ;
И что кому угодно,
То каждый говорилъ на *душиньку* свободно.
Венера накопивъ тетрать народныхъ вракъ,
Поѣхала съ доносомъ къ сыну,
И лжи прибавивъ половину
Въ слезахъ къ нему вѣщала такъ:
(Притомъ гдѣ надобно изъ всей рыдала
И жалко утирала очи.) (мочи

Амуръ,

Амуръ, Амуръ!
Вступись за честь мою и славу,
Возставь упадшую державу,
И выведи меня изъ дуръ,
Простая смертная, ругаяся Богами,
Не ставитъ ни вочто твою безсмертну мать;
Изъ царства нашего насъ хочетъ вонъ толкать,
И хочетъ сдѣлать насъ передъ собой слугами.
Я слышала, и то не брѣдъ,
Что влюбивый Юпитеръ
Вездѣ дороги вытеръ
Ходя за нею въ слѣдъ.
Отецъ Боговъ, забывъ Юнонины услуги,
По *душинькѣ* теперь вздыхаетъ день и ночь;
И слышно что беретъ ея себѣ въ супруги,
Гречанку наглую, простую царску дочь.
Не дай, чтобы сія спѣсивая невѣста
Могла содѣлаться Юпитеру женой:
Тогда тебѣ со мной
И въ небеси не будетъ мѣста.
Что будешь ты тогда? И гдѣ мой будетъ (тронъ?
Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы
И нагло покоритъ всѣ здѣшніе предѣлы?
А естьли дастъ ему Юпитеръ въ руки громъ,
Онъ въ шалости весь міръ поставитъ къ верьху (дномъ,
Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы;
Изъ дѣтства лазили они на небеса
И дѣлали всегда на свѣтѣ чудеса.
Къ тому научитъ мать по своему примѣру,

Чтобъ новый Купидонъ, имѣя туже кровь,
Ругался нами вновь.
Ты видишь, какъ она достойно чтитъ Венеру:
Велитъ, чтобъ я была оставлена отъ всѣхъ
Для дерзостныхъ своихъ утѣхъ.
Жилище Пафоса мнѣ стало нынѣ скушно,
Одной лишь *душинькѣ* вездѣ и все послушно:
Поклонники мои бѣгутъ отселѣ прочь,
Любимцы, служники, Амуры и зефиры.
И естьли только знакъ подастъ царева дочь,
То прихотямъ ея послушны будутъ міры.
Ты видишь горькую мою на свѣтѣ часть,
И вѣдаешь при томъ что *душинька* собою,
Безъ помощи твоей во всѣхъ вселяетъ (страсть,
Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть;
Безъ пламени, безъ стрѣлъ сердца изваядясь (красть,
Давно уже она смѣется надъ тобою.
Давнобъ ты упредилъ сію мою напасть,
Когда бы менѣ ты, мой сынъ, гулялъ по (свѣту,
И болѣбъ матерню послѣдовалъ совѣту;
Когда бы ты гонялъ поменѣ голубей,
И болѣбъ помышлялъ объ участяхъ людей.
Но между тѣмъ какъ ты проводишь дни въ (игрушкахъ,
Оставилъ мать свою у *душиньки* въ при-(служкахъ
И самъ отъ рабства не далекъ.
За честь свою и честь Венеры,
Яви ты мщенія примѣры,

Содѣлай душиньку нещастною во вѣкъ,
Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
Которой бы лицомъ на свѣтѣ всѣхъ былъ
хуже;
Содѣлай чтобъ она нашла злодѣя въ мужѣ,
И мучилабъ себя
Жестокаго любя;
Чтобы краса ея отъ горести увяла,
И ябъ спокоилась и безопасна стала.
Не ялъ тебя, мой сынъ, родила воспитала?...

Тутъ стали горьки слезы течь,
И долженъ былъ Амуръ пресѣчь
Ея толь жалостную рѣчь.
Сей Богъ хоть зналъ Венеры свойство
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокойство
Свою озлобленную мать,
И ей былъ долженъ обѣщать,
За дерзость душиньку немножко постращать.
То слыша вкругъ его Амуры ужаснулись,
Веселъи ахнули, и смѣхи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,
Что гнѣвъ на душиньку отъ сына навлекла.
Съ улыбкою тогда кидая взоръ пріятно,
Отправилась она во островъ свой обратно;
И въ изъявленіе отмѣнна торжества
Поѣхала туда во славѣ божества.
Оставлена была воздушна колесница,
Которую везла порожнюю назадъ
Вѣрнѣйшихъ голубей оставшая станица.
Богиня красоты, какъ должно и какъ рядъ,

На

На раковину сѣвъ; какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ
(делфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря ея шумящи волны
Являются весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ея ныряетъ,
Продерзски волны усмиряетъ;
Другой крутясь во глубинѣ,
Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,
И всѣ сокровищи изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Иной на ковлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными браниться вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней, мѣлей далѣ правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной съ трезубчатымъ жезломъ
На китѣ въ переди верьхомъ,
Далече гонитъ всѣхъ съ дороги,
Даетъ вездѣ приказы строги,
И чтобъ то каждый вѣдать могъ,
Предъ нею громко трубитъ въ рогъ.

Б Иной

Иной изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ,
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ:
О! естьлибъ ликъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ,
Изчезнетъ вскорѣ сей призракъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несщастный пламень,
Которымъ онъ сгараетъ такъ.
Иной приставъ къ богинѣ въ свиту
Отъ Солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркой лучь
Пуская къ верьху водный ключь.
Сирены сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ея стараясь превознесть;
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ,
И красотамъ ея дивясь
У ногъ смываютъ падшу грязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ;
И можетъ быть умно желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.

Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ вѣтры вкругъ шумѣть;
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Лобзать Венеру могутъ смѣть,
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ воздухѣ крупишно сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы
Зефиры древни наглецы;
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ;
Иной не вѣдомымъ языкомъ
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ;
Иной пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ;
Иной въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ стократно онъ цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ жадности другъ друга,
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга
Смиренно пасть къ ея ногамъ,
И провождаютъ всѣ Венеру
Усердно къ самому Цитеру.

Не въ долгомъ времяни пришла къ Богинѣ вѣсть:
Которую зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,

Что душинька была ей болѣ не опасна,
Что двѣ сестры ея нашли себѣ мужей,
Сосѣдних двухъ царей,
И каждая изъ нихъ въ замужствѣ не безчастна;
Но душинька была оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели какъ будто ей въ посмѣхъ,
Или какъ будто дѣйствомъ чуда,
Вдругъ двинулись оттуда,
И всѣ до одного въ послѣдокъ разошлись;
Иль тамъ хотя являлись,
Однако въ душиньку ужъ болѣ не влюблялись,
И къ ней не подходили вблизь,
А только издали ей ниско поклонялись.

Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Грецій народъ,
Бывалъ тамъ хлѣба недородъ,
Бывали тамъ потопы, моры,
Войны и страшные раздоры;
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ,
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели Боговъ,
О томъ имѣли разны споры:
Иной въ томъ видѣлъ доброй знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры,
Иной напутавъ много вракъ
Не сказывалъ ни такъ ни сякъ;
Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали
Во Греціи съ начала вѣкъ.
Простой народъ тогда въ печали
Къ Венерѣ вопіять притекъ:

За что судьбы къ нему такъ гнѣвны,
Что всѣ бѣжали отъ царевны?
Всѣ знали, что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.

Венера наконецъ сказала всѣмъ причину,
За что царева дочь теряетъ прежню честь,
Сказала мнимую ея противность сыну,
И противъ ней свою не утолиму месть,
И съ видомъ грознымъ и суворымъ
Велѣла сродникамъ царевны быть готовымъ
Еще къ нещастьямъ новымъ,
Пока ея они
Не приведутъ къ ней въ руки
Терпѣть различны муки
Во всѣ оставши дни,
Доколь краса ея иль жизнь не помрачится.
Въ послѣдокъ злобная любви всемірной мать
Къ отвѣту своему прибавила словъ пять:
Что жертвъ иныхъ она не будетъ принимать,
Ни всякихъ прозьбъ внимать,
И гнѣвъ ея ничѣмъ другимъ не умягчится.

Но царь и вся родня
Любили душиньку безъ мѣры;
Безъ ней пріятнаго не проводили дня,
Моглиль предать ея на мщеніе Венеры?
Тутъ всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,
Они сказали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло;

Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Иные стали вмѣстѣ плакать;
Иные другъ за другомъ звякать;
Иные не дослушавъ такать,
Когда лишъ слово скажетъ царь;
Иные душинькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Коль люди въ стыдъ Богинь ея боготворили;
И что Венерина къ ней ненависть и месть
Ея умножатъ честь.

Тѣ рѣчи душинькѣ хотя пріятны были,
Но былибъ для ея пріятнѣе ушей,
Когдабы то сказалъ ея любовникъ ей.

Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но въ тайнѣ часто унывала,
При томъ не рѣдко во слезахъ
Себя нещастной называла,
И тако въ горести вѣщала:
Амуръ, Амуръ! за что ко мнѣ ты такъ (жестокъ?
Я сестрѣ моихъ ни чѣмъ не хуже;
Но каждая изъ нихъ при мужѣ
Нашла любовниковъ пятокъ,
И можетъ каждая по волѣ
Найти себѣ еще ихъ болѣ;
Лишъ я одна въ нещастной долѣ
Отъ всѣхъ оставлена сижу,
И съ скукою на свѣтъ гляжу:

На

На свѣтъ, въ которомъ я не давно
Себя казала людемъ славно,
И въ радостяхъ вела часы.
Къ чему полезны мнѣ красы?
Пусть Боги красоту убавятъ,
Пусть буду я дурнѣе всѣхъ,
Но мнѣ любовника оставятъ
Хотя единаго на смѣхъ.
Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
Себѣ имѣетъ пастушка;
Одна я горкая горюшка
Живу безъ милаго друшка.
Коль щастье столько мнѣ упорно,
Казаться въ свѣтѣ мнѣ зазорно;
Прогнѣвавъ строги небеса
Поди ты душинька въ лѣса,
Бѣги, бѣги людей отъ нынѣ,
И лутче ты живи въ пустынѣ.

Межъ тѣмъ какъ душинька тая свою печаль,
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ сбиралась ѣхать (вдаль,
Они тогда о ней не менѣе крушились,
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всѣ тогда страшились
Богини гнѣвной словъ,
Которыя надъ ней отъ части совершились;
Никто на душинькѣ жениться не хотѣлъ,
Или никто не смѣлъ;
Въ послѣдокъ сродники совѣтовавъ рѣшись (лис-
Спро-

Спросить оракула, что дѣлать въ сихъ бѣдахъ?
Оракулъ отвѣчалъ въ порядочныхъ стихахъ:
А къ нимъ жрецы пророки
Прибавили еще свои для толку строки.

Отвѣтъ же былъ при томъ неменѣ без-
(толковъ,
И слово въ слово былъ таковъ:

„ Супругъ для душиньки назначенный судь-
(бами
„ Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ
(язвитъ,
„ Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
„ Всегда грызетъ сердца, питается слезами;
„ Всегда вооруженъ и носитъ пламя, страхъ,
„ Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы на-
(лагаетъ,
„ Коль хочетъ на землѣ, коль хочетъ въ не-
(бесахъ,
„ И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
„ Судьбы и Боги всѣ опредѣлили такъ,
„ Чтобъ душинька ему отъ сродниковъ вру-
(чилась,
„ Чтобъ волю мужнюю она исполнить тщилась?
„ А гдѣ сыскать его предписываютъ знакъ.
„ Пускай ведутъ ея на самую вершину
„ Горы, которая за тридевять земель,
„ Скрываясь въ облакахъ не видима отсель:
„ Тамъ должно душиньку оставить на судь-
(бину,
„ На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину.
От.

Отвѣтъ сей сродниковъ въ сумнѣніе привелъ,
И не описанный въ нихъ ужасъ произвелъ;
У всѣхъ мутилась кровь, у всѣхъ дрожали ноги,
О праведные Боги!
Возможноль, чтобы вы толико были строги?
И естьли въ томъ какая стать,
Чтобъ душиньку на вѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому ни кто не вѣдаетъ дороги?
Всѣ тако сродники гласили во слезахъ;
Икои были болѣ трусы,
Представили себѣ чудовищъ разныхъ вкусы,
И лютой смерти страхъ,
У змѣя на зубахъ,
Который жретъ безчестно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Которы широко гортани разѣваютъ,
И что у нихъ видаютъ
Семь крыльевъ, семь головъ,
Семь лапъ и семь хвостовъ,
И столько же роговъ.

Симъ страхомъ робкіе въ совѣтахъ возмуща-
Потомъ безъ дальныхъ словъ (лись;
Завыли множествомъ различныхъ голосовъ,
Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею на всегда заранѣе прощались;
Не знали только гдѣ высокая гора,
Къ которой душиньку отправить надлежало:
Оракулъ не сказалъ или сказалъ да мало,
Въ которой сторонѣ, далечель отъ двора,
Въ какую тамъ явиться пору?
И какъ зовутъ такую гору,

 Синай

Синай или Ливанъ, иль Тавръ, или Кавказъ?
Тѣ кои въ душинькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь мнили,
Что должно ѣхать имъ съ ней прямо на
(Парнасъ;
Что нѣкоторыя музы,
Всегда имѣли съ ней союзы,
Что душинька сама умѣла пѣсни пѣть,
Какія всякому не можно разумѣть.
Но тѣ, которые исторію читали,
Напротивъ предлагали,
Что музы изстари проводятъ въ дѣвствѣ
(вѣкъ,
И ни какой туда не ходитъ человѣкъ,
Что тамъ не льзя найти ей мужа,
Къ тому отъ сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ,
Хотя мѣста тѣ святы,
Не рѣдко замерзалъ народъ.

Иные изобравъ жарчайшіе климаты,
Хотѣли душиньку во Африку вести,
И тамъ пустить безъ тѣлогрѣи,
Гдѣ разные родятся змѣи,
Гдѣ чуды лютые въ чести:
При томъ послѣдуя Оракулову гласу,
Иные думали вести ея къ Атласу,
За тѣмъ что та гора касаяся небесъ,
Какъ слышно множествомъ прославилась чу-
(десъ;
И мнили что по сей примѣтѣ
Ора-

Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ от-
(вѣтѣ.
Но люди смѣлые изъ плачущей родни,
Жалѣли погубить ея младые дни,
И съ вѣрнымъ знаніемъ представили они,
Что змѣи тамъ легко царевну могутъ ску-
(шать,
Что въ томъ оракула никакъ не должно слу-
(шать.
Симъ словомъ ободрясь безъ дальняго суда,
Всѣ громко сродники воскликнули тогда,
Что душинька отнюдь изъ дому не поѣдитъ
И что оракулъ бредитъ.

Въ совѣтѣ наконецъ,
Родня царевнина и царь ея отецъ
Желали лутче всѣ боговъ противясь власти,
Терпѣть гоненіе и всякія напасти,
Чѣмъ душиньку вести
На жертву безъ пути;
Но душинька сама была великодушна,
Сама оракулу хотѣла быть послушна;
Иль можетъ быть и такъ, чтобъ мнѣ не об-
(мануть,
На свѣтѣ скучивъ безъ супруга,
Искала наконецъ себѣ такова друга,
Ктобъ ни былъ гдѣ нибудь;
А чтобъ видна была роднѣ ея услуга:
Живите въ щастіи, она сказала имъ,
Пусть кончатся бѣды нещастіемъ моимъ,
Пусть будетъ надомной боговъ безсмертныхъ
(воля,
Пусть буду я терпѣть, моя такая доля.
Не

Не можемъ мы никакъ противиться судь-
(бамъ,
Ни участь отвратить предписанную намъ;
Я гибелью моей васъ многихъ бѣдъ избавлю,
И щастіе родныхъ себя дороже ставлю.

Мѣжъ тѣмъ какъ душинька вѣщала такъ
(отцу,
Совѣтъ пустился въ горесть снова,
Отчаянный отецъ не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу.
Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Ни кто съ царицею сравниться не возмогъ,
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче,
И память потерявъ валилась часто съ ногъ;
Или опомнившись несщастна мать царевны
Вопила къ небесамъ, за что къ ней Боги гнѣвны?
Тогда она кленя рожденія часы,
Имѣя блѣдный видъ, растрепанны власы,
И всюду бѣгая чрезъ кочки и чрезъ ямы
Плачевной жалобой наполнила всѣ храмы,
Жрецамъ повыдрала усы,
И въ горести теряя мѣру
Ругала всячески Венеру;
Или въ охапку ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предъ народомъ,
И всѣмъ своимъ клялася родомъ
Доколь она жива
Не ставить ни вочто оракула слова,
И что ни для какова чуда,
Не пуститъ дочери оттуда.

Но

Но мать хотя вездѣ во всю вопила мочь,
Однако вопреки судьбы, Амуръ, всѣ Боги,
Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь
Знакъ дали для дороги.

Во время онѣхъ лѣтъ
Оракулъ въ Греціи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самъ искалъ себѣ преднарѣченныхъ бѣдъ,
Дабы сбывалось то нѣ ложно
Что только предсказать возможно.

Царевна оставляетъ градъ.
Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ;
Куда? для всѣхъ была то тайна.
Царевна наконецъ умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ,
Она рѣшила обычайно:
Она роднѣ сказала всей,
Чтобъ только въ путь ея прилично снарядили,
И въ колесницу посадили,
Безъ кучера и безъ возжей
Пустя по волѣ лошадей.
Судьба сама имъ путь покажетъ,
И таинство небесъ развяжетъ;
„Судьба, сказала, приведетъ
„На мѣсто радости иль бѣдъ,
„Гдѣ должно вамъ меня оставить;
„Судьба конями будетъ править.

Послѣдуя ея словамъ
Не долги были сборы тамъ.

Кони

Кони запряжены, готова колесница,
Рыдаетъ горько царь, и болѣе царица;
Въ отчизнѣ душиньку не могши удержать
На край земли ея желаютъ провожать.
Родня и жители всѣ воютъ,
Всѣ царску дочь слезами моютъ,
И въ колесницу съ ней садится вмѣстѣ мать.
Тронулись кони вдругъ, безъ всякаго уряда,
Везутъ безъ поводовъ,
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
По волѣ всѣхъ боговъ.

Въ сей путь короткой или дальной
Устроенъ былъ царемъ порядокъ погребаль- (ной;
Шеснатцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи,
При самомъ свѣтѣ дня подобно какъ въ ночи;
Шеснатцать человѣкъ съ плачевною му- (зыкой
Унывной пѣли стихъ творя тамъ шумъ (великой;
Шеснатцать человѣкъ не много тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой царска дочь любила почивать;
Шеснатцать человѣкъ поклавши на подушки
Несли царевнины и куклы и игрушки,
Которы клала тамъ сама царица мать;
Дорожный туалетъ, гребёнки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.

Потомъ за нею шелъ жрецовъ участныхъ полкъ,
Стихи оракула неся передъ собою;

Кото-

Которымъ всякъ изъ нихъ давалъ различной (толкъ,
И всякъ желалъ притомъ скорѣй дойти къ (покою.

Царевна впереди являясь въ сей станицѣ,
Прилегши къ матери сидѣла въ колесницѣ;
У ногъ ея стоялъ серебряной кувшинъ,
То былъ плачевный урнъ, какой старинны (Греки
Дарили для причинъ,
Когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
Отецъ у колесницы шелъ
Прося боговъ о благѣ,
И не имѣя въ царствѣ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Отъ всѣхъ сторонъ народъ
Съ царевной шелъ въ походъ;
Взирая на отца и родъ его и племя,
И паче видѣлъ кто отчаянную мать,
Всѣ мнили идучи въ сіе печально время,
Что душиньку везутъ живую погребать;
И каждый до своей границы
Не отставалъ отъ колесницы
Бросая по пути цвѣты;
Иные въ честь ей гимны пѣли,
Прилично славя красоты,
Какія въ первый разъ узрѣли;
Иные божествомъ
Царевну называли,
И возвратяся въ домъ
За диво возвѣщали.

Вотще

Вотще жрецы кричали,
Что та царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру,
И слѣдуя манеру
Толчкомъ и какъ ниесть,
Хотѣли прочь отвесть
Народъ отъ сей напасти.
Но всѣ противу власти,
Забывъ Венеры вредъ,
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно,
За душинькою въ слѣдъ,
Усердно и умильно.

Уже чрезъ тридевять недѣль
Проѣхали они всѣ тридевять земель,
Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;
И кои болѣе устали,
Тѣ громко вслухъ роптали,
Что шли куда не знали.
Въ послѣдокъ ѣдучи путемъ и въ доль и въ кругъ
Къ одной горѣ они лишь только подступили;
Тамъ сами лошади остановились вдругъ,
И далѣе не шли сколь много ихъ нибили.
Тамъ болѣ прежняго всѣ вдругъ заголосили;
Тамъ всѣ конца пути признаки находили,
Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили;
И всѣ рѣшились тамъ
Оставить душиньку, оракуловымъ словомъ,
Въ сей близости горы они во страхѣ новомъ.

Вруча

Вручаютъ душиньку хранителямъ богамъ,
Ведутъ на высоты по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знаку нѣтъ дороги,
Едва подъемля въ верьхъ дрожащія ихъ ноги;
И всѣ отъ утра день
Идутъ со пня на пень,
Съ пригорка на пригорокъ
Безъ всякихъ отговорокъ:
Чрезъ камни висльые и чрезъ глубоки рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы.
Хотя жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ;
Но люди тамъ при каждомъ шагѣ
Себѣ встрѣчали новый страхъ:
И къ верьху крутизны,
И къ безднѣ глубины
Безъ виду и безъ мѣры,
И страшныя пещеры.
Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ драконы и Церберы,
Которы всѣ ревели вслухъ
На разные манеры,
И возмущали духъ.

Впослѣдокъ въ семъ пути всѣ столько утомились,
Что чуть назадъ не воротились.
Тогда главнѣйшій жрецъ,
Спасая робкихъ сихъ овецъ,
Потрясъ широкими усами,
И лезущему внизъ словесному скоту
Грозилъ оракуломъ и всѣми небесами.
В   Тутъ

Тутъ снова царь полезъ съ царевной въ высоту;
Вся свита царская за ними, въ слѣдъ пустилась,
Осталась только тамъ одна царица мать,
Не могши далѣе шагать,
И съ *душинькой* на вѣкъ простилась.

Хрустальная кровать
Въ рукахъ несущихъ въ другъ разбилась,
И многіе отъ страха тутъ,
Имѣя многой трудъ
Не мало куколъ пороняли,
Которыя драконы жрали.
Иные на себѣ все платье изодрали;
Иные съ нуждою могли закрыть свой стыдъ
Почти нагой имѣя видъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько була-
(вокъ
И нѣсколько стиховъ оракула для спра-
(вокъ.

Но льзяль представить вой,
Когда взошли на верьхъ и царь и весь конвой,
Какъ всѣ они тогда съ царевною прощались,
Какъ съ нею разставались.
Не можно описать перомъ,
Что дѣлалъ царь со всѣмъ дворомъ:
Они во весь тотъ день не пили и не ѣли,
И вкругъ царевны ставъ всѣ вмѣстѣ заре-
(вѣли;

Отецъ

Отецъ хотя ослѣпъ отъ слезъ, ;
Но доночи съ горы не слѣзъ.
Уставши дневное свѣтило
Смотрѣть на горесть ихъ разлукѣ,
Казалось будто сократило
Обыкновенный въ мірѣ кругъ,
И въ воды спрятаться спѣшило:
Потомъ наставша ночь
Увидѣвъ царску дочь
Покрылась траурнымъ покровомъ,
И томнѣйшимъ лучемъ едва блестящихъ
(звѣздъ
Открыла въ мракѣ семъ весь ужасъ оныхъ
(мѣстъ.
Тогда печальный царь предпринялъ свой отъ-
(ѣздъ,
И *душиньку* одну оставилъ въ страхѣ новомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРЬВОЙ КНИГИ.

